

[2-я Луна | 281 г. н.э.]– Ей-богу! Генри, просыпайся! – прокричал старческий женский голос, вспугнув фигуру от тепла одеяла. Когда молодой человек медленно поднялся с постели, стон сорвался с его губ, когда он схватился за голову, а напиток, выпитый накануне вечером, разрушил его разум ужасными болями...– Да! Я вверху! Я вверху! – Медленно Генри поднялся на ноги и осушил кружку, лежавшую рядом с его кроватью, и его лицо тут же поморщилось, когда теплый северный эль обжег ему горло. Покачав головой, в надежде избавиться от боли, Генри начал медленно надевать льняные чулки и тунику из того же материала, прежде чем пройти через дом, сделанный из досок, засыпанных грязью, пеплом и сломанными камнями. Когда он проскользнул за дверь, полуденное солнце обрушилось на него со всей яростью богов, когда свет атаковал его запутанный разум, все еще приходящий в себя после того, как он выпил слишком много эля, который отец Аллена привез с севера в их деревню на Река Трезубец. Когда взгляд Генри сфокусировался, он сразу же увидел пожилую женщину с несколькими глубокими каштановыми прядями волос, скользящими сквозь ее волосы и пронзительные голубые глаза: – Тебе пора проснуться... Твой отец ушел на войну; Да хранят его боги, ваши обязанности — убедиться, что его работа завершена...Прежде чем она успела прочитать лекцию о своих новых обязанностях, Генри выказал болезненную улыбку, а пульсация в голове усилилась: – Я знаю, Ма... Сегодня я обязательно приготовлю гвозди для Мелены и придам форму дереву для топора Гарольда. будет закончено до восхода солнца...– Завтра... – терпеливо поправила женщина, заставив Генри испустить долгий вздох, последовавший за кивком, – ...и не забывай, что у тебя будут уроки со мной до захода солнца. Ни один мой ребенок не останется в неведении относительно мира.– Да, мама, как я мог забыть, – Генри почувствовал, как на его спине выступила капля пота, совершенно забыв, несмотря на то, что у него были уроки каждую неделю... Похоже, он слишком много выпил прошлой ночью, если он вообще забыл, в какой день неделя это была...Поднимаясь по проторенной грунтовой тропе к кузнице, стоявшей на небольшом холме, он бросил взгляд на деревню и реку Трезубец за ней...Незнакомое, неопознаваемое чувство поселилось в центре его груди, и прежде чем он успел задуматься над этим чувством, резкий свист — десятки из них — заполнил его уши сзади. Не прошло и секунды, как огромное количество маленьких темных полос заполнило небо, а затем превратилось в точки, и с деревянной крыши наверху раздалось несколько ударов...Его взгляд поднялся и увидел знакомый блеск обработанного металла... Стрела опасно висела над его головой, гнездо ярких углей, заключенное в остроконечную металлическую колыбель, но он не мог сосредоточиться на этом, поскольку его мысли упали на его Мать и без мысли спасенный от града стрел, он помчался в сторону сада рядом с домом, где, как он видел, его Мать ушла напоследок... Его голова стучала в такт биению сердца, и каждый его вздох был глубоким и тяжелым от чувства паники и страха, которые он был неспособен полностью осознать, только для того, чтобы сдавленное бульканье донеслось до его ушей как раз перед тем, как он завернул за угол дома, не обращая внимания на растущее пламя, омывающее соломенную крышу.Его шаги замедлились, страх наполнил его сердце, и, сделав последний шаг, он увидел, как его Мать захлебывается собственной кровью, отчаянно цепляясь за оперение стрелы, пронзившей ее грудь... Он подбежал к ней и нашел момент облегчения в этих заплаканных, пронизанных страхом голубых глазах...Она произнесла слово, ее голос срывался и прерывался, но глаза Генри были затуманены и ослеплены слезами, он даже не слышал собственного крика, когда он взял окровавленное тело своей матери на руки и вопил... Однако ее голос эхом отдавался в его разум, как звук лязга металла, крики и плач...– Беги... – это эхом отдавалось в его сознании, отражаясь от всех его буйных мыслей, но тело отказывалось двигаться...Он издал крик дикой ярости, который смыл все логические мысли... Первобытный страх смерти исчез, поскольку Генри отказался оставить труп своей матери гнить... Даже если ему суждено было умереть, он сделал бы это здесь, чтобы он может присоединиться к своей матери в объятиях Незнакомца...Он двинулся к кузнице, с психотическим блеском в глазах, когда он схватил тусклый деревянный топор, который он должен был заточить для Аллена, и вернул, чтобы обнаружить небольшую группу,

продвигающуюся через деревню вниз к выступу, где находилась кузница... Даже если ему суждено умереть... Хватка Генри вокруг рукояти топора усилилась, когда он пробирался к трупу своей матери... Намереваясь защищать его либо до своего последнего вдоха, либо до тех пор, пока он не завершит Обряды перехода, позволяя ее душе полностью охватить хватку Незнакомца. Доспехи, непохожие ни на что, что он когда-либо видел, блестели в солнечном свете... Оружие с изогнутыми лезвиями, похожими на серп, сверкали опасно острым блеском... Цвета и символы, которые не принадлежали Семи Королевствам, если его воспоминания об уроках его Матери верны... Кожа оттенка темнее, чем то, что ему было знакомо, но оттенок другой, чем у Дорна... Эссоси... Они пришли сжечь его деревню... Будь то Королевское Золото или восстание, Генри ничего не знал... Ему было все равно, они падут от его топора, или он от их оружия. По-другому это не закончится, по крайней мере, в этом убедил себя Генри. Они указывали пальцем и издевались на языке, которого он не понимал, некоторые лаяли и смеялись, насмешливо и шатко держали свое оружие... Его трясло...? Генри не опустил взгляд, чтобы это выяснить, поскольку его тело становилось все более напряженным, когда одна из фигур поделилась несколькими словами с остальными, затем шагнула вперед и заняла стойку, в то время как остальные начали кружить вокруг него... Когда бровь Генри нахмурилась, поняв, чего от него ждали в этой сцене, он почувствовал тошноту в горле... Они думали об этом как об игре... Они думали о нем как о дураке... Они думали только о своей победе... Он стиснул зубы. Удар пронзил его тело, когда его толкнули вперед, смех скрежетал в глубине его сознания, развывая отвлекающие мысли, и он взмахнул топором. Последовал тяжелый удар, когда металл столкнулся с металлом, когда Эссоси встретил его атаку в лоб — рука Эссоси задрожала, когда он рухнул под тяжестью удара, недооценив сытого ученика кузнеца Вестероса, когда Генри тяжелым шагом двинулся вперед... То небольшое, что Генри узнал об искусстве фехтования и копья от своего отца, было плохо реализовано, когда дело доходило до владения топором, и его плоский конец вонзился в грудь эссоси, заставив человека отшатнуться, чтобы перевести дух, и Генри двинулся вперед, нанеся удар вниз, использовав отскок от кирасы, чтобы переместить топор, точно так же, как он это делал, когда ковал железо... Алая дуга привлекла его внимание, когда он вонзился в щель между кирасой и шлемом фигуры, прежде чем жгучая боль отразилась в его сознании, и Генри неуклюже двинулся вперед, когда жар распространился по его спине... и прежде чем он смог собрать меч, который он держал в поле зрения свой взгляд, и тьма взяла его... Холод просачивался сквозь его тело, отталкивая всякое подобие тепла... Однако далеко вдалеке во тьме всплыла точка света, она росла с каждым мгновением, прежде чем охватила

ВСЕ... _____ [?? ?? Позже] Резкий вздох раздался среди тлеющих руин того, что, казалось, когда-то было мукомольной мельницей... Когда фигура восстала из пепла с обласканной солнцем молочно-белой кожей, фигура нежная, как цветок, но обладающая собственными соблазнительными шипами... Генри сразу понял, что что-то не так... Его тело ощущалось по-другому... Его грудь была тяжелой, а ноги больше опирались на пепельную землю, лежащую под его ногами. Его баланс был нарушен, но он был гораздо более сосредоточенным... Его взгляд упал, и его взгляд остановился на двух холмиках: знакомая родинка, лежащая слева, в нескольких пальцах от розового соска...- Что?! Его разум, неспособный осознать знакомое, пытался понять, что именно он видел, что именно с ним произошло и почему он оказался в женском теле... В его голове пронесся отдаленный смех, который мог только понять его разум. как «Божественный»... Затем Генри рухнул на землю, схватившись за голову, и почувствовал, как тяжесть упала на его разум. Мысли, столь же тяжелые, как и его собственные, хотя и совершенно незнакомые, всплывали в его голове вместе с воспоминаниями, сожалениями, эмоциями, которых он никогда не испытывал, сожгли себя в то, что он мог понять только как его «СЕБЯ»... Боли не было, только кажущаяся непреодолимая тяжесть, которая давила на его разум... Тяжесть, которая стирала границы между «Генрихом» и «Меленой» и заставляла их сливаться, становясь чем-то совершенно другим, но тем же самым. К тому времени, когда тяжесть начала исчезать, обнажая безбожное

давление внутри, тьма уже охватила все вокруг, и только луна и звезды над головой рассеивали тусклый свет... Генри был погружен в свои мысли. Пытаясь постичь новообретенную сложность своего разума... К тому времени, когда взошло солнце, они даже не могли признать свои имена своими, поскольку больше не представляли себя «Генрихом» или «Меленой»... Они больше не могли узнавать себя, и ощущение, которое осознание оставило в их разуме, было похоже на тлеющее пламя, которое стремилось сжечь все, что не было осознано в их сознании... Постепенно они начали обрабатывать свои общие переживания, в то время как пламя забирали все, от чего отвлекали свое понимание. Так продолжалось до тех пор, пока они не стали уже не двумя отдельными существами, а единым целым. Таким образом, мир признал рождение новой души. Рождённый не через зачатие, а через парный апофеоз...

<http://tl.rulate.ru/book/108126/4011269>